Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экологии растений и животных

Николай Николаевич ДАНИЛОВ

Материалы к биографии, воспоминания

Издательство «Академкнига»
Екатеринбург
2002

УДК 547 (092)

Николай Николаевич Данилов. Материалы к биографии, воспоминания. Екатеринбург: Изд-во "Академкнига", 2002. — 220 с.: илл.

ISBN 5-93472-106-2

Ответственные редакторы:
доктор биологических наук **В.К.Рябицев**
доктор технических наук **М.Я.Чеботина**

ISBN 5-93472-106-2

© Авторы, 2002
© Оформление. Издательство «Академкнига», 2002

ЛАБОРАТОРИИ Н.Н.ДАНИЛОВА — ЗА ТРИДЦАТЬ

В.К.РЯБИЦЕВ, И.А.БОГАЧЕВА, В.Н.ОЛЬШВАНГ, Н.В.НИКОЛАЕВА

В конце 1960-х годов в мировом сообществе экологов широкую популярность приобрел функциональный подход к изучению природных сообществ. В качестве одного из перспективных способов изучения экосистем, а возможно — средством интегральной оценки происходящих в них процессов, предполагалось изучение энергетического потока. Вполне логичным выглядело мнение о том, что солнечная энергия, которую улавливают продуценты и отдают по пищевым цепям консументам разных уровней, по-разному распределяется в экосистемах, функционирующих в столь несхожих условиях — от морских глубин до высокогорий и от тропиков до Арктики.

На 1-й международной экологической ассамблее в Париже в 1964 г. была принята Международная Биологическая Программа (МБП, или IBP), в которой были сформулированы основные задачи по изучению экосистем биосферы нашей планеты с целью ее сохранения. Это был период, когда экология только начинала завоевывать умы наиболее прогрессивных представителей мировой общественности, но большинству населения, даже в наиболее цивилизованных странах, само слово «экология» было незнакомо.

Директор Института экологии растений и животных УФАН СССР, тогда член-корреспондент АН СССР, Станислав Семенович Шварц был активным участником международных дискуссий об экосистемах и подходах к их изучению. Он загорелся идеей включить институт в международную экосистемную тематику. Сам он был одним из кураторов МБП по биому тундры.

В институте тогда уже вполне оформилось «субарктическое» направление. В 1963 г. вышла монография С.С. Шварца о путях приспособления млекопитающих к условиям существования в Субарктике. Аналогичную книгу о птицах (1966) написал Н.Н. Данилов, который тогда работал в Уральском университете, но был в курсе событий на мировой биологической арене и тем более в Институте экологии. Этому очень способствовало постоянное общение Николая Николаевича и Станислава Семеновича, они были хорошими друзьями еще со студенческих времен, с Ленинградского университета.

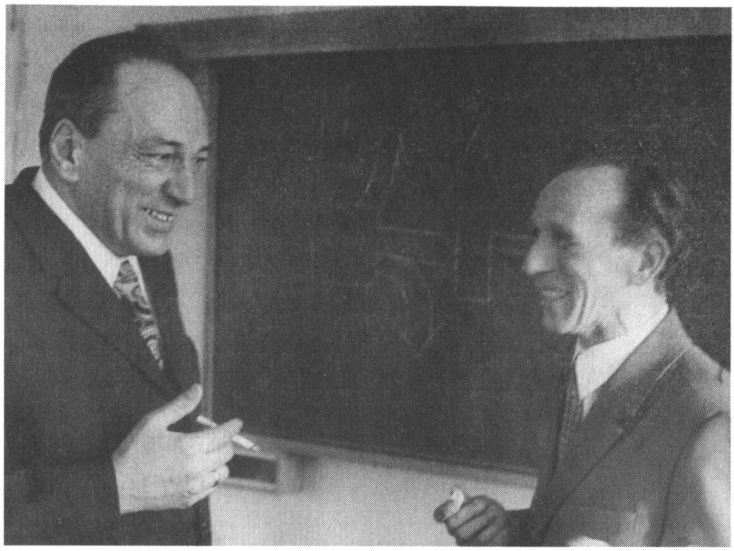
В институте были высококвалифицированные специалисты по самым разным биологическим объектам: ботаники (лаборатория П.Л. Горчаковского), ихтиологи и специалисты по водным беспозвоночным (лаборатория Д.Л. Венглинского),

териологи и герпетологи (лаборатория С.С. Шварца), почвоведы (лаборатория В.П. Фирсовой), группа по изучению редуцентов (Н.Т. Степановой). В институте было тогда только два орнитолога — Л.Н. Добринский и В.Е. Береговой, у них были свои вполне сложившиеся интересы в области полиморфизма и морфофизиологии птиц. Специалистов по наземным беспозвоночным было тоже немного. Малаколог И.М. Хохуткин и энтомолог Ю.И. Новоженов изучали полиморфизм и популяционную структуру своих объектов.

Таким образом, институт в общем мог взять на себя задачу изучения биома тундры, но некоторых специалистов явно недоставало. Опираясь на Международную Биологическую Программу как на весьма прочный научный и, несомненно, политический фундамент, С.С. Шварц выдвинул перед вышестоящими инстанциями обоснование необходимости создания в институте специальной лаборатории, которая занималась бы изучением тундры.

Постановление Президиума УФАН о создании Лаборатории энергетики биогеоценотических процессов появилось на свет 3 июня 1970 года. Руководство лабораторией возлагалось на д.б.н., проф. Н.Н. Данилова, который неделей раньше, 27 мая, был принят временно на должность старшего научного сотрудника. Официальным заведующим лабораторией он стал 1 сентября 1970 г. — после того, как прошел по конкурсу, был утвержден Ученым советом и Президиумом УФАН.

Первыми штатными сотрудниками лаборатории стали м.н.с., к.б.н. Ю.И. Новоженов и хозяйственный лаборант И.Г. Ермакова, их перевели из других лабораторий. Остальных сотрудников Николай Николаевич подбирал себе из хорошо знакомых ему выпускников кафедры зоологии Уральского университета.



Со С.С. Шварцем на семинаре. Обсуждение проблем биоценологии: «черный ящик». Ок. 1971.

Летом 1970 г. в лабораторию были переведены выпускники УрГУ 1969 г., аспиранты-энтомологи В.Н. Ольшванг и И.А. Богачева. Штат орнитологов Николай Николаевич намеревался пополнить как раз «поспевающими» к лету 1970 г. выпускниками своей кафедры, у которых он сам был руководителем курсовых и дипломных работ. На должность инженера был зачислен В.К. Рябицев, а В.Н. Рыжановский поступил в аспирантуру. Третьим предполагалось принять Н.Е. Зубцовского. Очень кстати было то, что все трое уже имели по 2–3 сезона орнитологических экспедиций в тундру. Однако, Н.Е. Зубцовского сразу после окончания университета, как прошедшего обучение на военной кафедре, имевшего звание младшего лейтенанта и не служившего в армии, призвали на военную

службу. В лабораторию на его место был принят С.Н. Постников, который за два года до этого окончил Горьковский университет и работал ихтиологом на кафедре зоологии Пермского университета. Подпольно, дома, он проводил исследования по энергетике птиц. Николай Николаевич встретил Постникова на защите чьей-то диссертации в г. Горьком и был совершенно очарован этим молодым и очень энергичным исследователем.

К началу работы лаборатории уже существовал созданный под руководством С.С. Шварца полевой стационар «Харп» (по-ненецки — «Северное сияние»). Он был заложен непосредственно для работ по МБП и располагался очень удобно, на холмах среди тундры с озерами, редкими лиственницами и живописным видом на горы Полярного Урала, всего в 15 км от пос. Лабытнанги, где с 1956 г. действовал Салехардский стационар УФАН — надежная долговременная база Института.

Главным «стратегическим» достоинством «Харпа» была комплексность исследований, изучали самые разные компоненты экосистем — от продуцентов до консументов высших порядков и редуцентов. Из состава лаборатории на «Харпе» с лета 1970 г. работали четверо. Задачей В.Н. Ольшванга была оценка видового состава и численности беспозвоночных и изучение их динамики. И.А. Богачева изучала сообщества консументов первого порядка — листогрызущих насекомых и потребление ими кормового ресурса. В.Н. Рыжановский проводил учеты птиц, но основной его работой был сбор материала по сравнительной экологии самых многочисленных тундровых птиц — коньков. С.Н. Постников изучал на том же стационаре энергетику нескольких видов воробьиных птиц в гнездовой период.

Собственно энергетикой биогеоценотических процессов занимался сам Николай Николаевич. Ему предстояло по результатам, полученным на стационаре разными исследователями, оценить поток энергии через экосистему конкретного участка южной тундры и через разные звенья экосистемы. Кроме того, как орнитолог, Николай Николаевич сам проводил на «Харпе» часть своего полевого сезона и участвовал в учетах птиц, гнездящихся на контрольном участке.

На стационаре «Хадыта», который был на юге Ямала, на р. Хадытаяхе, в 150 км от Лабытнанги, и где зоологи института под руководством С.С. Шварца работали с 1958 г., тоже было решено проводить учет населения птиц. Эта работа была возложена на В.К. Рябицева. Кроме того, он изучал различные факторы, которые влияли на плотность гнездования птиц и ее динамику. Там же проводил большую часть полевого сезона Н.Н. Данилов, тоже занимаясь учетами птиц. Временами на «Хадыту» приезжал В.Н. Ольшванг — в основном для того, чтобы изучать фауну и проводить учеты беспозвоночных в пойменном лесу, этом замечательном таежном оазисе среди тундры. Там же несколько сезонов провела И.А. Богачева, занималась учетами беспозвоночных пойменных и тундровых местообитаний и даже изучала энергетику дождевых червей.

Ю.И. Новоженов бывал как на «Харпе», так и на «Хадыте». Однако у него были свои вполне определенные научные интересы, которые не очень сочетались с тундрой и Севером, поэтому Юрий Иванович пробыл в составе лаборатории всего несколько месяцев, а вскоре и совсем ушел из института.

Первый год у лаборатории не было своих помещений, нас поселили прямо в актовом зале, весьма условно отгородив несколько квадратных метров в его дальнем

конце. «Стенкой» служила решетчатая перегородка из тонких деревянных реек позади стола президиума, что был на невысоком подиуме. Здесь же, в голубой кадушке, стояла большая финиковая пальма, из-за которой нас часто называли «Лабораторией под пальмой». Только у «старожилов» — Ю.И. Новоженова и И.Г. Ермаковой — по-прежнему были в институте свои «углы».

Специфика расположения нашей рабочей площади в большой степени определяла и условия работы. Мы сидели все вместе, поэтому разговоры на самые разные темы возникали очень легко. Здесь был стол и Николая Николаевича. Конечно, это было очень удобно, особенно когда надо было что-то обсудить с шефом: он был очень доступен — и территориально, и психологически. Для обсуждения научных проблем такие условия были хороши. Но чаще поводы для разговоров были совсем не научными, а когда на работу приходили все, то обстановка для углубленного мыслительного процесса или для постижения каких-то элементов кандидатского минимума (а этим были обременены мы все, кроме Николая Николаевича) была совершенно не подходящей.

Актовый зал часто использовался и по прямому его назначению. Здесь проходили научные семинары, всевозможные собрания, заседания, праздничные вечера, защиты диссертаций, а после них — банкеты. Ко всем этим мероприятиям каждый из нас подстраивался, как мог — либо избеганием, либо участием, в зависимости от интереса и настроения. Но сидеть за перегородкой, т.е. практически на сцене, и пытаться работать было, как правило, невозможно или просто нелепо.

В 1971 г. лаборатория пополнилась еще одним аспирантом. Это была только что окончившая университет

Н.В. Николаева. Ее тему определили как «Экология кровососущих комаров на Южном Ямале». Это было актуально и с практической стороны естественно: комары — настоящая природная стихия, которая мешает освоению Крайнего Севера. Кроме того, личинки комаров — это редуценты, потребители отмершей травы, взрослые самки пьют кровь теплокровных животных, являются переносчиками некоторых заболеваний. В общем, это группа, имеющая в природных сообществах свое функциональное лицо и заслуживающая внимательного изучения. Полевые исследования Н.В. Николаевой предполагались на Хадыте, которая имела недобрую славу одного из самых комариных мест на Приобском Севере.

На Всесоюзной конференции в Душанбе:
Ю.М. Малафеев, Н.Н. Данилов, В.Н. Ольшванг, И.А. Богачева, С.С. Шварц, О.А. Пястолова, Д.Б. Базиев, В.Н. Большаков, Л.Н. Добринский. 1972.

В конце 1971 г. наконец-то достроили 4-этажный корпус, который стал главным зданием института, каковым является и по сей день. Это новоселье было долгожданным, очень большим праздником. Надо сказать, что строили это здание утомительно долго. Чтобы как-то ускорить строительство, томящиеся в тесноте лаборатории то и дело выделяли для участия в строительстве молодых сотрудников из своих рядов, за исполнением разнарядки следили строго. Но эти десанты темпам стройки помогали мало, «ополченцы» в основном выносили строительный мусор, а больше сидели и ждали, когда вконец обленившиеся представители Академстроя соизволят протрезвиться и дать какую-то работу.

Вообще в те годы всевозможные воскресники и субботники были привычной повседневностью и проводились в любые дни недели. У всех в лабораторных шкафах была всегда наготове рабочая одежда, чтобы по любому требованию начальства, представителей профсоюза, парткома или комитета комсомола бросить всё и идти мести улицы, что-то копать, грузить, перебирать гнильё на городских овощебазах и т.д. Каждой осенью почти всех сотрудников, и в первую очередь — молодых, на несколько дней, а то и на месяц-полтора, вывозили спасать гибнущий урожай в какой-нибудь район области, в том числе и в деревню Бутка Талицкого района, на родину (тогда мы этого не могли знать) первого президента России. Кроме того, все сотрудники, а особенно — молодежь, регулярно участвовали в рейдах по охране общественного порядка, ежегодно в декабре круглосуточно охраняли ёлки в ботаническом саду. И еще выпускали стенгазеты, вели комсомольскую или другую «полезную» работу. Все должны были иметь «общественную

нагрузку», без этого было нельзя. Мужчины как военнообязанные, некоторые — офицеры запаса, регулярно призывались на краткосрочные военные сборы. А еще многие постоянно где-то подрабатывали или понапрасну пытались искать «левую» работу, потому что прокормить себя и молодую семью на аспирантскую стипендию или штатную зарплату было трудновато. Приходится только удивляться, что находили время и на то, чтобы что-то читать, учить, сдавать и заниматься собственно наукой.

В новом здании института лаборатория получила три комнаты на третьем этаже и помещение для склада — в подвале. Места в общем вполне хватало для «сидячей» работы, т.к. собственно исследовательскую работу все мы проводили в поле.

Отдельно обосновался С.Н. Постников, у него одного были экспериментальные, лабораторные работы. Ему выделили небольшую комнату в старом деревянном здании институтского вивария, где группа А.В. Покровского занималась экспериментальной экологией мелких млекопитающих. К виварию Станислав Николаевич переместил из-под окон трехэтажного здания свой вольер, где держал подопытных воробьев и других мелких птиц. Основным рабочим сезоном его была зима, так как Станислав Николаевич изучал механизмы поддержания энергетического баланса у птиц в холодное время года. В 1975 г. на территории ботанического сада построили небольшой деревянный дом и покрасили его голубой краской. С.Н. Постников получил четвертую часть дома, который, по странной русской традиции, назвали «Голубым Дунаем». К его окнам перекочевал и вольер с птицами.

В 1972 г. в лабораторию поступил С.В. Шутов. Он был тогда студентом-заочником, в лаборатории он стал

по сути дела первым «настоящим» лаборантом, т.е. человеком, задачей которого было не проведение собственных исследований, а помощь другим. Сергей действительно много полезных вещей сделал своими «золотыми» руками, занимаясь техническим воплощением замыслов сотрудников лаборатории, постоянно что-то изобретая, усовершенствуя приспособления для отлова, учета, мечения и т.д. А вскоре он активно включился в орнитологические программы лаборатории, работал на «Харпе», «Хадыте», в маршрутных экспедициях. С 1977 г. он начал реализацию собственной программы по изучению экологии двух видов пеночек на стационаре «Кожим» в предгорной тайге Приполярного Урала.

В 1972 г. в составе лаборатории появился ботаник — возвратилась в институт после нескольких лет работы в г. Кирове и на Уральской лесной опытной станции к.б.н. Н.В. Пешкова. Она приступила к изучению пойменных растительных сообществ на р. Хадытаяхе, а попутно оказывала профессиональную помощь сотрудникам лаборатории — проводила геоботаническое описание контрольных и опытных площадок, определяла растительные объекты в пробах питания птиц, оценивала долю растительной продукции в тундровых сообществах, изымаемую мышевидными грызунами. С 1982 по 1987 гг., вскоре после переезда Н.В. Пешковой в г. Горький, геоботаником в лаборатории некоторое время работала Е.А. Нефедова (Зотеева).

Вскоре лаборатория пополнилась еще двумя орнитологами — Н.С. Алексеевой (1974) и Т.Н. Халевиной (1976). Они закончили университет в 1973 г. и работали после этого в школах учителями. У обеих был опыт полевой орнитологии — они студентками проходили

практику на «Харпе» с сотрудниками лаборатории. Теперь они включились в исследования по северной тематике, их объектами были выбраны воробьиные птицы.

На фактории Хадыта: Ю.М. Малафеев, В.Н. Большаков, студент Саша, студентка Надя, Н.Н. Данилов, повариха Нина, Н.В. Николаева, В.Н. Ольшванг, В.С. Балахонов, С.Л. Янкин, М.Н. Данилова. 1977.

1975 год был знаменателен для лаборатории первой «волной» защит кандидатских диссертаций: в январе — И.А. Богачева («Листогрызущие насекомые ив Приобской лесотундры и их роль в биогеоценозе»), в феврале — В.Н. Ольшванг («Эколого-фаунистический обзор членистоногих мезофауны стационара «Харп»), в мае — В.Н. Рыжановский («Экология лугового и краснозобого коньков в Приобской лесотундре») и В.К. Рябицев («Факторы, определяющие плотность гнездования и численность птиц на Южном Ямале»). В 1977 г. состоялась защита кандидатской диссертации С.Н. Пост-

никовым («Поддержание энергетического баланса у воробьиных птиц в зимний период»), а в 1979 г. — Н.В. Николаевой («Экология кровососущих комаров на Южном Ямале»). Таким образом, «остепененным» стал весь первоначальный научный состав лаборатории. После этого в защитах был большой перерыв, со временем ученики Н.Н. Данилова более или менее определенно стали подумывать о докторских, а кандидатские диссертации защищали уже ученики его учеников.

В 1976 г., после очередного разгона всегда «слишком» ратовавших за охрану природы сотрудников биологического отдела Ильменского заповедника, приехал в Свердловск и был принят в лабораторию Ю.И. Коробейников. В 1977 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Структура населения почвообитающих беспозвоночных животных в сосново-березовых лесах Ильменского заповедника» и активно включился в северную энтомологическую тематику. Его основными объектами были жесткокрылые, и в первую очередь — жужелицы, которых он изучал главным образом на стационаре «Хадыта».

Международная Биологическая Программа, которая в свое время дала повод к рождению лаборатории, завершалась. В 1974 г. институт выпустил объемистый сборник «Биомасса и динамика растительного покрова и животного населения в лесотундре», где были статьи всех, кто работал на стационаре МБП «Харп», в том числе и работы сотрудников лаборатории. Несколько позднее вышел собственный, первый сборник трудов лаборатории «Биоценотическая роль животных в лесотундре Ямала» (1977). В него подали рукописи своих статей почти все сотрудники лаборатории. Но когда его сдавали в издательство, оказалось, что плановый объем

сильно превышен. Тогда это считалось совершенно недопустимой вольностью. Пришлось не только старательно сокращать рукописи, но и вообще убрать из сборника две статьи (В.Н. Рыжановского и С.Н. Постникова) и выпускать их отдельно, препринтом, под названием «Сравнительная экология фоновых видов птиц Ямальской тундры».

Что касается собственно энергетики биогеоценотических процессов, то эти результаты были оформлены в виде нескольких статей Н.Н. Данилова (см. библиографию). Кроме того, были написаны работы по функциональной биоценологии тундры и очень важная, концептуальная статья Н.Н. Данилова совместно с С.С. Шварцем (1972), когда собственно исследования по МБП еще были далеки от завершения. Высказанные в этой статье мысли об особенностях функционирования северных экосистем уже были очень верны, их можно назвать даже замечательным озарением. В справедливости высказанных идей сотрудники, продолжая работать на севере еще много лет, убеждаются все более и более и вносят в изучение северной биоценологии свой вклад.

Еще в 1970-х годах, когда завершались работы по МБП, сотрудники лаборатории как-то меняли свои первоначальные темы, либо углубляли и расширяли их.

В.Н. Ольшванг расширил изучение динамики населения беспозвоночных тундры Приобского Севера на всю тундровую зону, а затем — и на горные тундры. Для сравнения потребовалось изучение тех же проблем в более южных широтах — в лесной и степной зонах. Параллельно Владимир Николаевич всегда много внимания уделял энтомологической фаунистике, в особенности своим любимым бабочкам. В 1981–1982 гг. им был опуб-

ликован, вместе с Ю.Н. Баранчиковым, первый в регионе определитель дневных бабочек Урала.

И.А. Богачева, кроме экологии листогрызущих насекомых Субарктики, занялась изучением их взаимоотношений с кормовыми растениями, находя в этой многоплановой проблематике все новые и новые нюансы и аспекты. В 1990 г. ею опубликована монография «Взаимоотношения насекомых-фитофагов и растений в экосистемах Субарктики».

Н.В. Николаева расширила спектр изучаемых проблем, связанных с кровососущими комарами — как тематически, так и зонально. Все большее внимание она уделяет эпидемиологическим аспектам жизни своих объектов и международному сотрудничеству в области борьбы с малярией. Однако по-прежнему биоценотические связи и отношения находятся в центре ее внимания, определяя комплексный подход к решению этих задач.

В исследованиях орнитологов с самого начала присутствовал фаунистический аспект, благо для этого требовалось не много специальных усилий, надо было только, попутно с выполнением основной работы, не лениться записывать наблюдения по всем птицам и заполнять карточки на все найденные гнезда. В начале 1974 г. состоялся короткий, но емкий разговор (по-русски, «на троих»), и было принято стратегическое решение о написании эколого-фаунистической сводки о птицах Ямала. Для этого был неплохой задел, но только на юге Ямала, и поэтому той же весной начались экспедиции на Средний и Северный Ямал, которые продолжались несколько лет. Книга Н.Н. Данилова, В.Н. Рыжановского и В.К. Рябицева «Птицы Ямала» вышла из печати в 1984 г. и сразу стала очень популярной в орнитологических кругах. Это была первая монография, вышедшая из стен лаборатории.

Лаборатория энергетики биогеоценотических процессов. Слева направо сидят: Н.В. Николаева, Л.В. Кулакова, Н.Н. Данилов, Н.В. Пешкова, Т.Н. Халевина; стоят: С.Л. Янкин, В.К. Рябицев, Н.С. Алексеева, С.Н. Постников, И.А. Богачева, С.В. Шутов, Ю.И. Коробейников, В.Н. Ольшванг. 1979.

Хотя Н.Н. Данилов по своей формальной научной квалификации был зоологом, орнитологом, его энциклопедические знания позволяли ему успешно руководить диссертациями по очень разной зоологической и экологической тематике. Он был руководителем у всех аспирантов и соискателей из состава лаборатории — как орнитологов, так и энтомологов. Кроме того, у него было много других, большей частью приезжих, аспирантов и соискателей. Это орнитологи В.А. Коровин из Уральского университета, В.Н. Гурьев и Н.Е. Зубцовский из Ильменского заповедника, В.П. Шубенкин из Капланкырского заповедника (Туркмения), З.П. Покарклис из Вильнюса. Энтомологи А.Г. Воронин из Перми, Т.М. Брагина из Наурзумского заповедника, И.А. Вдовина из Оренбуржья, арахнолог Н.М. Пахоруков из Перми. Под руководством Н.Н. Данилова выполнили и защитили кандидатские диссертации: по горным грызунам Кавказа — Л.Л. Давтян (Армения), по экологии лося на Среднем Урале — А.А. Никулин.

В лаборатории за всю ее историю было мало вспомогательного, технического состава, практически все технические работы выполняли сами исследователи, в особенности в поле. Сам Николай Николаевич, проводя очередной полевой сезон на фактории Хадыта, с увлечением возился с лодочными моторами, которые, как правило, к нам попадали через систему снабжения с какими-то дефектами и нередко создавали массу проблем.

Однако помощники все-таки были. Главными снабженцами в лабораториях всегда были хозлаборанты. Во многом именно от них зависело, как полно будут обеспечены полевые отряды. Да и в камеральный период они определяли существенную часть нашего рабочего успеха. Первый наш хозлаборант И.Г. Ермакова была очень сво-

еобразной личностью, в Институте ее звали Амазонкой, она гордо и достойно носила это прозвище. Охота была (и, насколько нам известно, остается поныне) ее самой большой страстью. Больше всего Ирина уважала зверовую охоту. Она держала лаек, которые могли «ставить» и держать лося, и потому глубокой осенью, когда у городских охотников «горели» лицензии, на Ирину с ее собаками был большой спрос. Другая наша хозяйственница (имя не называем) была знаменитой в определенных мужских кругах своим неуемным любовным азартом. Пока она была у нас материально ответственной, со склада много что безвозвратно исчезло. Николай Николаевич безропотно возмещал потери за собственный счет, сокрушенно качал головой, иронизировал по этому поводу, но никогда не выражал громко своего неудовольствия.

Вообще, хотя духом колючей иронии и разных оттенков юмора атмосфера в лаборатории была густо пропитана всегда, общий настрой преобладал мирный, добрый. Этому в первую очередь способствовал характер самого Николая Николаевича. Он был всегда доброжелателен, готов к общению со всеми и к обсуждению любых проблем, от мелких бытовых до серьезных научных. Мы помним только один случай, когда Николай Николаевич был настолько выведен из себя, что сорвался на крик, а потом долго не мог найти себе места. Его тогдашний «собеседник», явно не без скрытой гордости, сам повествует об этом на страницах нашего сборника.

И еще немного о наших помощниках. Для работы хозлаборантом тоже нужно что-то вроде призвания, почти такого же, как к научной работе или к поэзии. По меньшей мере необходима элементарная организованность и терпимость к суете, зачастую — бесполезной, и канцелярщине.

Конечно, этой терпимости, а тем более призвания, не хватало многим, а точнее — всем. Из-за этого люди с этой должности довольно часто уходили, сначала убедив себя и (или) нас в своей профессиональной непригодности. На их место приходили другие, чаще всего — для того, чтобы прийти к тем же выводам. Дольше всех, до пенсии (1992), на этой должности проработала Г.И. Бондаренко. Она тоже была по-своему уникальна — на нее постоянно сваливались какие-то несчастья: болезни, гибель или увечья родных, пожар в доме и прочие крупные беды.

Через лабораторию на своем пути к осознанному будущему прошло, пожалуй, несколько десятков молодых людей, которые что-то делали, пребывая в качестве временных лаборантов несколько недель или месяцев, иногда — несколько лет. Но, не найдя достаточно романтики или денег на этой работе, уходили. Так, быстролетной чередой промелькнули Н.В. Малыгина, А.А. Минигулов, С.В. Латина, Е.Ю. Новикова, Э.М. Муллагалеева... Лишь некоторые задерживались на более длительный срок и оставили после себя добрую память. С.Л. Янкин может считаться одним из «долгожителей» среди наших хозлаборантов. Он успешно помогал нам во время полевых работ, при этом частенько попадая в нестандартные ситуации, из которых, надо отдать должное, выходил без особых потерь. Л.В. Кулакова (Головатина) с 1978 по 1986 гг. выполняла сначала задачи по уходу за подопытными птицами С.Н. Постникова, а затем ассистировала И.А. Богачевой в экспериментах на растительноядных насекомых. О.Н. Туленина с 1980 по 1992 гг. принимала самое деятельное участие в энтомологических исследованиях В.Н. Ольшванга. С началом новой экономической политики энергичная и инициативная О.Н. Туленина оставила науку и позднее добилась успехов в книжном бизнесе.

А.А. Первушин пришел в лабораторию со школьной скамьи в 1987 г. и до 1989 г., когда его призвали в армию, выполнял лаборантскую работу в исследованиях кровососущих комаров совместно с Н.В. Николаевой. Позднее он успешно окончил вуз по специальности охотоведа и в настоящее время работает научным сотрудником Свердловского областного краеведческого музея.

Через должность временного лаборанта, с трудом преодолевая препоны со стороны штатного расписания, с очень серьезными намерениями пришел в лабораторию после окончания университета в 1981 г. М.Г. Головатин. Он очень охотно включился в тематику орнитологических исследований лаборатории, а в 1989 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Трофические ниши воробьиных птиц на северной границе распространения лесов». В 1992 г. под этим названием была опубликована его монография.

Очень разнородным контингентом, с которым мы работали, были временные рабочие полевых отрядов. По традиции рабочими в поле чаще всего оформляли студентов-практикантов, которые затем писали и защищали под руководством сотрудников лаборатории курсовые и дипломные работы. Но были и другие люди, многие из них и сегодня вспоминаются с воскрешением следов давних эмоций, зачастую очень неоднозначных. На темы, связанные с этим «подвижным составом», можно было бы написать целую книгу, которая могла бы служить и хрестоматией по психологии (и даже психиатрии), и пособием по полевой технике безопасности, и даже, пожалуй, сборником детективов.

Северная тематика орнитологических исследований разворачивалась в основном в экологическом плане, с особым упором на популяционную экологию, динамику насе-

ления и межвидовые отношения. Основой методического подхода были многолетние стационары, где проводилось слежение за изменениями населения птиц на контрольных площадках, индивидуальное мечение птиц. В 1978 г. был создан стационар «Ласточкин берег» в среднем течении р. Хадытаяхи, где пойменный лес имеет наиболее таежный вид. С 1982 по 1993 г. действовал стационар «Хановэй» на Среднем Ямале, в подзоне кустарниковых тундр, а с 1988 по 1995 г. — стационар «Яйбари» на севере Ямала, на юге арктических тундр. Руководителем этих исследований был В.К. Рябицев. С ним, а также самостоятельными небольшими группами работали С.В. Шутов, М.Г. Головатин, Н.С. Алексеева, Э.А. Поленц, А.Г. Ляхов, В.В. Тарасов, сотрудник Удмуртского университета Ю.А. Тюлькин, а также студенты-практиканты и приезжавшие на наши полевые стационары иностранные коллеги.

Полевой стационар в низовьях р. Войкар, в Приобской лесотундре, организовал в 1988 г. М.Г. Головатин, где он изучает население птиц и его динамику до настоящего времени.

В 1989 г. С.В. Шутов защитил кандидатскую диссертацию «Популяционная экология пеночки-веснички и пеночки-таловки». После этого Сергей Викторович организовал стационар для изучения экологии и населения птиц на восточном склоне Приполярного Урала, но в 1992 г. эти работы были им прекращены. Вскоре он уволился из института и в настоящее время занимается экологической экспертизой и прогнозированием в фирме «Экология-эксперимент».

А.Г. Ляхов пришел в лабораторию в 1987 г. и первые два года занимался изучением экологии уток на стационаре «Хановэй». Затем темой его исследований стало население

птиц на техногенных территориях, эти работы он проводит до настоящего времени на стационаре «Хомутовка» лаборатории экотоксикологии, в окрестностях г. Ревда.

Орнитологическая биография Э.А. Поленца началась на стационаре «Хановэй» в 1983 г., когда он был студентом-практикантом и занимался одним из важнейших модельных видов — лапландским подорожником. После окончания университета и некоторого периода работы в лаборатории экотоксикологии он, уже в составе нашей лаборатории, продолжил работы по изучению экологии птиц тундры и обобщению многолетних данных по этой тематике.

В.В. Тарасов начал изучать экологию белой куропатки на стационаре «Яйбари» еще студентом, продолжил эту работу в аспирантуре и в 1997 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Популяционная экология белой куропатки на севере Ямала». В настоящее время он проводит эколого-фаунистические исследования в лесостепном Зауралье.

Научные интересы А.Ю. Малоземова были тесно связаны с двукрылыми насекомыми горных тундр Урала. Он начал свою работу в 1982 г., исследуя комаров-долгоножек и мускоидных двукрылых в горной тундре горы Иремель на Южном Урале, будучи еще студентом. Затем, уже в штате лаборатории, организовал стационарные исследования энтомокомплексов на Приполярном Урале в окрестностях горы Неройки. Позднее успешно применил на практике свой опыт изучения двукрылых, организовав биотехнологическое предприятие по переработке отходов птицефабрики г. Среднеуральска с помощью культуры мух. Постепенно интересы А.Ю. Малоземова уклонялись от научной сферы деятельности, а в 2002 г. он ушел из института.

С 1988 г. в лаборатории работает А.В. Гилев, занимается главным образом исследованиями экологии и полиморфизма муравьев. С 1997 по 2000 г. он был аспирантом д.б.н. А.Г. Васильева. Защита диссертации «Эколого-морфологический анализ популяционной структуры и изменчивости рыжих лесных муравьев на Среднем Урале» состоялась в апреле 2002 г., а А.В. Гилев продолжает исследования по той же тематике.

С ярко выраженными фаунистическими интересами пришел в лабораторию вскоре после окончания школы в 1986 г. П.Ю. Горбунов. Главными объектами его интересов с раннего детства были бабочки, булавоусые чешуекрылые, изучению которых на территории всей России он и посвящает себя в настоящее время. Он не стал утруждать себя формальными карьерными заботами, а весь и сразу отдался науке. Им опубликованы монографии: «Дневные бабочки азиатской части России» (вместе с Ю.П.Коршуновым), «Дневные бабочки Южного Урала» (совместно с группой авторов).

В качестве аспирантов в лаборатории прошли свою научную школу и заканчивают оформление диссертаций В.А. Федюнин («Наездники-ихневмониды в биоценозах Среднего Урала»), А.И. Ермаков («Структура населения членистоногих мезофауны горных тундр Северного Урала»), О.В. Семенова («Структура и динамика населения членистоногих урбанизированных ландшафтов на примере жуков-жужелиц г. Н. Тагил»), Е.Г. Ларин («Птицы Висимского заповедника»), Л.В. Коршиков («Кулики Южного Приуралья», защита состоялась в марте 2002 г.), С.В. Корнев («Воробьиные птицы Оренбургской области»). Под руководством В.Н. Ольшванга выполнил и защитил кандидатскую диссертацию А.В. Рябицев («Насе-

ление и экология жужелиц на Севере Ямала», 1998). Под руководством В.К. Рябицева защищены кандидатские диссертации В.П. Шубенкиным (Капланкырский заповедник, «Особенности гнездовой экологии птиц пустыни», 1990), В.Д. Захаровым (Ильменский заповедник, «Структура населения птиц лесных биоценозов Южного Урала», 1993), С.П. Пасхальным (Экологический стационар ИЭРиЖ, Лабытнанги — «Птицы антропогенных ландшафтов Субарктики Западной Сибири», 1995). Н.В. Николаева руководила кандидатской диссертацией А.Г. Куприяшкина (НИИ СХ Крайнего Севера, Норильск — «Фауна и экология кровососущих комаров Таймыра», 1992). Под руководством С.Н. Постникова выполнена кандидатская диссертация Н.А. Находкиным (Якутия, «Адаптации птиц к крайне низким температурам», 1980).

Не всё было безоблачно в истории лаборатории. В 1986 г. вышло постановление Президиума АН СССР, в соответствии с которым руководство научными подразделениями могли осуществлять только ученые, не достигшие возраста 65 лет. Конечно же, это было абсолютно формалистское постановление, которое было призвано свидетельствовать о том, что руководство Академии наук СССР «чутко реагирует на требования времени» и, поддерживая перестройку, «освежает кровь» советской науки, смещая с руководящих постов пожилые кадры и выдвигая молодых. В институте заведующих лабораториями, которым было за 65, было трое. Среди них — Николай Николаевич Данилов, блиставший в институте своим острым умом, разносторонней эрудицией, обладавший безоговорочным авторитетом. Перед ним затихал полный зал, когда он выходил на трибуну на институтском семинаре. Это был безусловный и истинный лидер

в своей лаборатории. Известнейший, грамотнейший ученый, профессор Н.Н. Данилов был отстранен от руководства лабораторией «по возрасту». Когда неизбежность такого отстранения стала очевидной, Николай Николаевич пришел (да, он никогда никого из подчиненных к себе не приглашал и тем более — не вызывал)... Он пришел к В.К. Рябицеву и сказал: «Вадим, я хочу, чтоб теперь лабораторией руководили Вы»... Директор Института издал соответствующий приказ.

Вскоре Николай Николаевич слег в больницу — у него были больные легкие, еще с немецкого плена. Лечение шло с переменным успехом, но в общем плохо. Родные и лаборатория, следя за ходом лечения, волей-неволей постепенно подготавливались к самому плохому. Но все равно известие, пришедшее из больницы 17 апреля 1987 г., было пугающе неожиданным и жестоким. В этот день лаборатория осиротела.

Николая Николаевича Данилова похоронили на Широкореченском кладбище, совсем недалеко от могилы его коллеги, соратника и друга Станислава Семеновича Шварца.

Громом среди ясного неба пришла весть о новой тяжелой потере: в феврале 1992 г. умер от инфаркта Юрий Иванович Коробейников. Ему тогда было только 50 лет, он был старшим среди теперь уже старшего поколения лаборатории, но старшим — среди своих университетских однокашников, среди сверстников, «одним из...». Юра от природы был очень добрым и очень мирным человеком. Его искренне любили за его душевность, мягкий юмор, за равнодушие ко всяким карьерным делам. Мы очень тяжело переживали эту смерть — как большую и очень несправедливую утрату. А еще — и как своего рода сигнал. Вроде недавно все были такими молодыми, совсем недавно всё только начиналось — и вот...

Кажется, с тех дней мы стали немного лучше, мягче, добрее, терпимее, внимательнее друг к другу.

Жизнь продолжается. Мы становимся старше и, надо надеяться, мудрее. Обрастаем учениками и внуками. Сегодня нашим старшим ученикам уже за 40, а самые молодые сотрудники лаборатории уже значительно моложе наших детей. С возрастом меняются и наши научные регалии. В 1990 г. докторскую диссертацию на тему «Территориальные отношения и динамика населения птиц в Субарктике» защитил В.К. Рябицев, проанализировав многолетние материалы, собранные на нескольких стационарах в разных подзонах тундры п-ова Ямал. И.А. Богачева в 1998 г. успешно защитила докторскую диссертацию «Взаимоотношения насекомых-филлофагов с кормовыми растениями и их адаптации к существованию в южной Субарктике». В.Н. Рыжановский вскоре после защиты кандидатской диссертации переехал в г. Лабытнанги, был зачислен в штат Экологического стационара, но продолжал работать в общем русле исследований лаборатории, в том числе над совместными статьями и монографией «Птицы Ямала». Позднее он устроил недалеко от города, в лесу на берегу обской протоки, полевой стационар, где занялся изучением, в основном — экспериментальным, экологии воробьиных птиц. В 1998 г. он выпустил монографию «Экология послегнездового периода жизни воробьиных птиц Субарктики» и защитил на эту тему докторскую диссертацию.

В.Н. Ольшванг опубликовал в 1993 г. монографию «Структура и динамика населения насекомых южного Ямала». В настоящее время он заканчивает работу над докторской диссертацией «Структура и динамика населения членистоногих в тундровых сообществах». По его материалам описаны 28 новых видов и подвидов насекомых, 6 из них назва-

ны его именем: жук *Carabus hummeli olshvangi* Menschikov et P.Gorbunov, 1996; бабочки *Erebia dabanensis olshvangi* P.Gorbunov, 1995; *Arctia olschwangi* Dubatolov, 1980; *Scythris olschwangi* K.Nupponen & T.Nupponen, 2000; двукрылые *Lycoriella olschwangi* Mohrig et Mamaev, 1983 и *Holoneurus olschwangi* Mamaev, 1990. Кроме того, с группой сотрудников лаборатории и при активном участии иностранных коллег в последние годы он обследует различные районы Урала, Приуралья и более отдаленных регионов. По материалам последних исследований ими описаны 14 новых для науки видов чешуекрылых, подготовлена к публикации монография «Бабочки Ильменского заповедника».

Н.В. Николаева с 1985 г. проводит мониторинг кровососущих комаров с целью выявления факторов динамики их численности. В 1994–1998 гг. она руководила исследованиями российской группы специалистов в рамках международного грантового проекта ИНТАС «Изучение генетики и экологии малярийных комаров Среднего Урала и Западной Сибири и предотвращение восстановления малярии». Некоторые выводы многолетней работы Н.В. Николаевой были представлены ею на заседаниях экспертного совета по влиянию глобального изменения климата на здоровье населения Европы при Всемирной Организации Здравоохранения и нашли отражение в ее программном документе.

С.Н. Постников в последние годы занимается обработкой своих многолетних данных, работает над рукописью книги «Экологическая стратегия регуляции энергетического баланса птиц». Когда в 1990 г. был закрыт одряхлевший «Голубой Дунай», Станислав Николаевич перенес основной акцент своих работ на основанный им стационар «Урагус» в горах Среднего Урала, где изучает сезонную динамику населения птиц, миграции, сезон-

ные явления в жизни птиц, энергетику птиц в биоценозах, замышляя в будущем написать монографию «Периодические явления в жизни птиц Уральских гор».

Фаунистические исследования орнитологов с 1995 г. получают поддержку программы РАН «Биоразнообразие». Практически ежегодно выходят сборники «Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири». В сборниках публикуют свои сообщения и обзоры не только сотрудники лаборатории, но и все орнитологи, изучающие специально или попутно фауну птиц этой огромной территории. По результатам исследований, проведенных в 1980–90-х гг., орнитологи лаборатории пишут монографию «Птицы полуострова Ямал». В последние годы районами проведения фаунистических исследований орнитологов стали разные территории Урала, Зауралья и Западной Сибири. Так дело изучения фауны птиц Урала и прилежащих территорий, начатое Н.Н. Даниловым в 1940-х годах, получило свое дальнейшее развитие в исследованиях сотрудников лаборатории.

Название лаборатории, данное ей при ее формировании, по инерции сохранялось за ней до 1988 г., хотя на деле тематику с самого начала точнее было бы определить как экология, фауна, население и поведение беспозвоночных и птиц. Поскольку основное внимание уделялось различным естественным процессам в природных сообществах, в первую очередь в биоценозах и популяциях, которые тоже являются элементами биоценозов, лабораторию переименовали сначала в «Лабораторию регуляции биоценотических процессов», а к настоящему времени — в «Лабораторию биоценотических процессов».

Помимо чисто теоретических, академических тем, сотрудники выполняли и заказные работы — хоздогово-

ры. Хотя практических потребностей, связанных с беспозвоночными и птицами, у народного хозяйства никогда не было много.

Н.В. Николаева проводила хоздоговорные исследования и разрабатывала рекомендации по борьбе с кровососущими комарами в районе строящейся железной дороги Сургут-Уренгой. Энтомологи под руководством В.Н. Ольшванга исследовали насекомых как кормовую базу рыб (Восточная Сибирь) или лягушек (Закавказье), проводили кадастровые исследования энтомофауны в заповедниках.

Орнитологи несколько лет занимались обследованием гражданских и военных аэродромов в разных районах Урала и Западной Сибири и давали рекомендации по предотвращению столкновений самолетов с птицами. Проблема весьма актуальна, тематика интересна, у каждого аэродрома своя специфика. Это провоцировало нас на серьезный подход, будило творческую мысль работать в совершенно новом, практическом плане. Работа в разных природных зонах в разное время года давала возможность существенно расширить орнитологический кругозор. Только досадно, что заказчики, выполнив требование своего руководства по проведению орнитологического обследования аэродромов, ни одну из рекомендаций орнитологов не выполнили.

Сотрудники лаборатории принимали активное участие и в выпуске заказной научной продукции, которую большей частью выпускал институт. Это Красные книги: Среднего Урала (1996, отмеченная в 1999 г. премией имени В.Н. Татищева и Г.В. де Геннина), Ямало-Ненецкого автономного округа (1997), Кировской области (2001), Ханты-Мансийского автономного округа (в печати), Новосибирской области (в печати); Курганской области (2002); кол-

лективные монографии «Природа Тюменского Севера» (1991), «Природа Ямала» (1995), «Экология Ханты-Мансийского автономного округа» (1997). В.К. Рябицевым написаны и проиллюстрированы определители «Птицы тундры» (1986) и «Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири» (2001, в 2002 г. вышло 2-е издание), научно-художественная книжка «Один сезон в тайге» (1999), которая годом раньше была издана в Великобритании «One season in the Taiga» (1998). Вышел из печати справочник П.Ю. Горбунова по дневным бабочкам России: «The butterflies of Russia (Le-pidoptera: Hesperioidea and Papilionoidea): classification, ge-nitalia, keys for identification». Ekaterinburg, «Thesis», 2001. Эта книга отмечена премией им. Н.В. Тимофеева-Ресовского Уральского отделения РАН.

Много публицистических и научно-популярных статей опубликовано сотрудниками лаборатории в различных газетах и журналах.

Сотрудников лаборатории часто привлекают в различные учреждения и ведомства в качестве экспертов по самым разным вопросам, связанным с птицами и беспозвоночными.

Самые молодые сотрудники лаборатории — аспиранты Г.А. Замшина («Структура и динамика разноусых чешуекрылых на Среднем Урале»), В.А. Соколов («Население птиц и его динамика на юго-востоке Ямала»), Е.А. Барбазюк («Население, экология и поведение чайковых птиц степного Зауралья»). Они только начинают свою научную жизнь.